

**Татьяна
ЯСНИКОВА**

г. Иркутск

рассказ

Вадэ Майюш вернулся домой с концерта. Там он пел, и музыка оглушила его. Он вернулся домой растерянный. Только что он голосил в микрофон, мог бы ещё накричать песен, но ему хотелось тишины.

Концертные лакированные туфли с острыми носками он под мышкой принес домой в картонной коробке. Убрал её в шкаф. Скинул с ног тяжёлые зимние ботинки, парку с меховым капюшоном на пол бросил, шапку туда же и засыпал посреди прихожей. Вот она, тишина. И зачем она? Броситься в спальню и — на кровать? На кухню ему не хотелось. Или всё же голоден? Пить? А может, вина? Или съесть апельсин? Как бессмысленно то и это, это и то.

Меньше часа назад он получил аплодисменты полного зала. Море аплодисментов. Волны. А ведь он не пел, а орал. Зачем люди аплодировали? Радовались, что оглушены? Что живы? Что вместе? Что их полный зал?

Дома Вадэ один. Мать, уезжая ненадолго к родне в Молдавию, жениться без неё не велела. И так на протяжении почти двадцати лет она не велит жениться. Уехала мать и потерялась. Война. Мать не совсем потерялась, а вернуться домой не может. Нет пути через войну.

Как же, женись, Вадэ!.. Мать всю охоту отбила. Юношей, около двадцати лет назад, привёл он девушку домой: дескать, новое издание нот для голоса и фортепиано ей дать. Девушка ушла с нотами, а мать — полная, чернявая, глаза большие, нос крючковатый — разъярилась: «Кого привёл, Вадэшка? И не думай на ней жениться! Её ушные раковины не внушают мне доверия!»

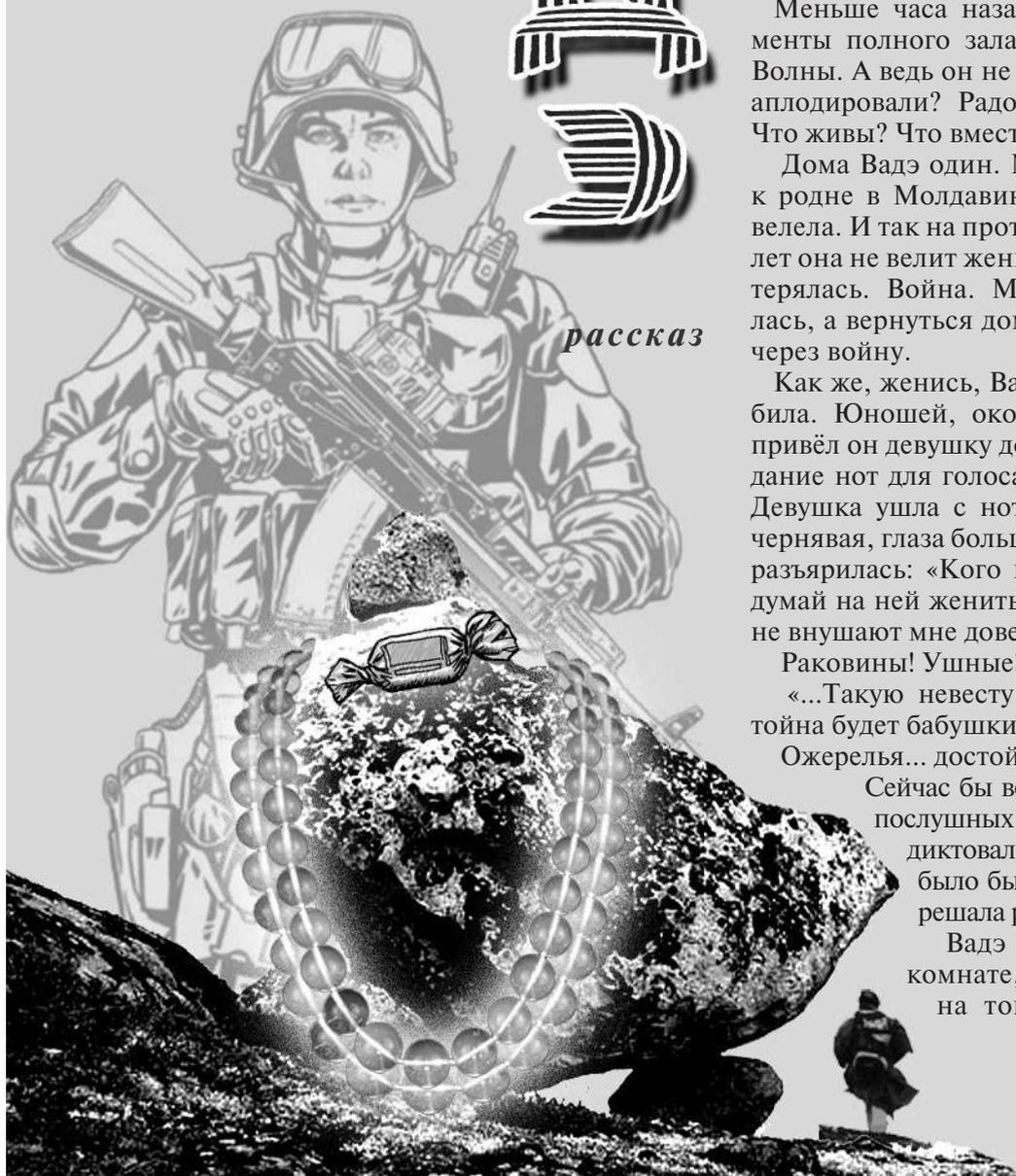
Раковины! Ушные!

«...Такую невесту приведи, которая достойна будет бабушкиного ожерелья...»

Ожерелья... достойна.

Сейчас бы весёлая толпа не слишком послушных детей окружала Вадэ и диктовала ему, что делать. Не надо было бы думать ни о чём. Всё бы решала ревнивая и гордая жена.

Вадэ вымыл руки в ванной комнате, взглянул в зеркало — на того двойника, который

сопровождает его по жизни и в любую минуту может обнаружить себя в отражении.

Вадэ пошёл не пойми в кого. Глаза узкие, скуластое лицо, цвет кожи красноватый. Аккуратный нос и жилистая, словно для прыжка собранная фигура.

Вадэ – имя ненецкое, а на афишах он всегда «Вадим Майюш». Как неистово орал сегодня Вадэ песню «Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам», он был в красно-белом костюме Деда Мороза и в большой шапке не по размеру, спадающей на косящие рысьи глаза.

Вадэ осторожно открыл двери материной комнаты и на цыпочках, словно воришка, пробрался к комоду, где хранилось ожерелье. Растерянность и скука на время оставили его. Мать всегда закрывала ящик с ценностями на ключ, но сын после её отъезда заметил, что ключ она оставила в замке. Сначала он подумал, что мать стареть стала – забыла. А потом, когда она пропала, стал догадываться, что ключ оставила нарочно. Может, на тот случай, если очень задержится или совсем не вернётся?..

В незашторенное окно бил свет уличного фонаря. Вадэ включил лампу, стоящую на комоду, и занавесил окно. Пусть свет лампы, матовый и глубокий, не соперничает с пронзительно одиноким светом фонаря, пробивающимся сквозь морозный туман.

«Вадэшка, не женись, пока я не вернусь...» – поверх всего: ниток и иголок, колечек и бумаг, – лежала матерна записка. Значит, верно – оставила ключ нарочно. Под той запиской лежало ожерелье. Если мать не вернётся, Вадэ примерит ожерелье своей возможной избраннице. Не мысленно, как это делала мать, вычёркивая очередную промелькнувшую перед ней претендентку, а по-настоящему.

Вадэ вынул из комода ожерелье и ощутил его вес. С самого детства мать давала сыну подержать его. Это были тяжёлые старинные бусы из лунного камня редкого цвета «серая лагуна», две нити. Блеск бус создавал эффект «северная заря». Так объясняла мать. Серебряная застёжка была со вставкой из натурального перламутра – очень легко, но цепко зас-

тёгивалась. Вадэ подержал в ладонях холодноватое на ощупь украшение, пока оно не согрелось его теплом. Он раздумывал, не унести ли его в свою спальню? Но потом представил, что мать неожиданно возвращается... Вадэ спрятал потеплевшее и словно ожившее ожерелье обратно под записку, пошел в свою комнату.

Одна его бабушка была молдаванка, приехала на север с машиной коопторга, заполненной ящиками с краснобокими молдавскими яблоками. Местечко называлось Ямбург. Там вышла замуж за вежливого и воспитанного ненца. Сперва не поняла: «Немца»? О немцах к тому времени она слышала много хорошего, а сама была неграмотна. Вот то самое ожерелье и подарила молдавской бабушке Вадэ её свекровь. А ещё раньше на полвека семья свекрови спасла замерзавшего русского купца, у которого в буране потерялись ездовые собаки, – купец подарками одарил. Так вот достала свекровь то подаренное купцом ожерелье из-под меховой оленьей парки, надела на грудь невесты-молдаванки и сказала, мешая ненецкие слова с русскими: «Мама, ама, сава сёнзя нея говорил, смотри невеста верк, тогда отдай эта дёльшымя». Оказалось, «верк» – медведица. И действительно, девушка-молдаванка была похожа на белую медведицу с круглыми чёрными вишнями глаз – бабушка Вадэ. Дочь её, а Вадэ – мать получилась красавицей. Отец Вадэ – полутаджик, полугрек. «Ехал грека через реку...» Он бежал из Афганистана в Таджикистан во время афганской войны. Так что со своей национальностью Вадэ определиться не мог, а во время переписи населения Вадэ назвался эльфом, и переписчик не стал с ним спорить.

Вадэ сидел на стуле в своей комнате, обхватив голову руками. Он вспомнил, как в филармонии его оглушил инструментальный ансамбль, который играл на камерной сцене с микрофонами перед каждым инструментом – двумя аккордеонами, ударными, электрическими двумя гитарами и электронным синтезатором. Когда с воем вступали гитары, хоть уши затыкай от отчаяния. Оглушили Вадэ и две ведущие в платьях из серебра и золота,

словно ёлочные игрушки, только гигантские. Концерт был новогодний. Одна ведущая — изящная, вторая — высокорослая толстуха. Обе ротастые, в микрофоны орали дай-то боже. Оглушила и солистка Элен Гамырова. Она орала джаз так неистово, что слушатели в зале подпрыгивали на сиденьях.

Улавливая тишину квартиры, Вадэ почувствовал, что его подташнивает от голода. Оно и понятно: Вадим Майюш перед концертами никогда не ест.

Вадэ пошёл в кухню, вскипятил чайник и заварил «Доширак», кофе «три в одном», достал из буфета шоколадку «Баунти». Концертный костюм он снял, ужинал в одних трусах в гулкой жутковатой пустоте квартиры с высокими потолками и толстыми стенами.

После ужина прилёт. Сон не шёл, мысли крутились в голове... Неужели ему ещё пару десятков лет вот так заходиться криком на филармонической сцене? Подумать только — на филармонической! Они что, «с глазду зыхив», как говаривала бабушка? Когда Вадэ пел песню «Увезу тебя я в тундру», у него глаза только что из орбит не лезли. Несколько раз не попал в такт, уронил тембр, дал петуха. Но никто этого не услышал. Публика и сами оркестранты сидели оглушённые. После первого отделения никто с концерта не ушёл, хотя публика нынче ещё та...

Вадэ поворочался на постели, протянул руку и включил старый отцовский радиоприёмник, чтобы заглушить надоедливые мысли. Приёмник был нецифровой, едва тронешь его — настройка сбивается. Вадэ часто слушал «Звезду», за новостями следил... Догадывался он, что и его, отслужившего срочную ракетчиком в Заполярье, скоро заберут на войну. А пока Вадэ вслушивался в поток слов: армейских новостей еще не было. На другой частоте читали «Анну Каренину» Льва Толстого. Вадэ заворочался на постели, плотнее закутываясь в одеяло, в это время настройка радиоприёмника сбилась — и вот радио «Вера» заговорило о религии и падших людях. Тема вошла в Вадэ как нож в податливое масло.

«Точно, мы, люди, — падшие! А я и забыл.

Вот оно что!» — думал Вадэ. Ночью в темноте мысли бывают особенно чёткими и глубокими, значат они больше, чем при дневном свете, потому что днем излишние детали вокруг, вещи отвлекают от размышлений.

«Вот оно что!.. — заинтересовался услышанным по радио Вадэ. — А ведь перед началом концерта все были недовольны собой и друг другом, шипели, мне сказали неприятные слова. А я поддел Гамырову. Вот почему людей в землю закапывают. Падшим не вознестись. И дети для чего рождаются? Для ущемления родителей. Каково это видеть, когда внове, ещё не привык? И даже если со своим консерваторским образованием откажусь орать в микрофон, я ничего другого не найду, потому что сам дурак».

Днём ранее Вадэ выпивал в буфете с монголом-саксофонистом. Они заспорили, кто выше — Александр Македонский или Чингисхан? Вадэ не особенно-то хотелось спорить, и он сказал монголу, что эти люди — последовательные воплощения. Сила усиливает силу и в конце концов порождает чудовищ. Насчёт чудовищ монгол согласился.

Сейчас, лёжа в постели, Вадэ подумал, что некоторые из падших всё-таки могут вознестись. Он имел в виду высокие сферы. От ноты «до» до ноты «си» — на седьмое небо. Но всё же... в таком обществе, где все орут, а другие этот ор поощряют, кроме падших, никого быть не может. Вадэ поворочался, ещё немного послушал радио и замер в темноте. Слабый свет с ночной улицы попадал на белоснежные подушки из-за зашторенного окна. Опять Вадэ не спалось. Задумался: какому же Богу молиться? Он представил пустынную необъятность страны и понял: молиться надо Тишине и этой пустынной необъятности. Чтобы она правила во веки веков. Вадэ вдруг сел на постели, его осенило. Он непременно пойдёт на войну, чтобы защитить Тишину-Бога от поступи наглого врага. Хорошо, он пойдет, а как же быть с тем, что товарищи по сцене всё так же будут орать в микрофоны, а публика — тихо сходить с ума?..

Завописуют камни. Завописёт тундра. Моря и океаны. Вадэ же теперь будет молчать. Слова

не проронит в голос. Пусть его имя больше не звучит громко. Пусть вообще не звучит его имя. Эта мысль успокоила его. Он представил, как напишет матери записку, что ушёл на войну. Дескать, Бог-Тишина послал его за невестой-тишиной, пусть мать не печалится.

А еще Вадэ подумал о том, что тем слушателям, которые были на новогоднем концерте, тоже не спится в эту ночь и они ворочаются в своих тяжелокаменных домах на мягких постелях. Возможно, кто-то думает: «А если начнётся бомбёжка, куда бежать?..» В торговый центр за жвачкой и колой, ага?.. А ещё, наверно, они вспоминают концерт. Вихрем летела по залу музыка, вихрем носился по ней Вадим Майюш с песней о бескрайней тундре. Интересно, запомнилась ли им орущая Гамырова? Или кто-то еще?..

Вадэ — нерешительный человек, он всегда в себе сомневается. Колеблется между «да» и «нет» по малейшему поводу. А еще не понимает, почему не получил повестку из военкомата, которую даже ждал. На самом деле он бы хотел её получить, ведь от матери никаких вестей — наверно, не может пробиться через войну. Значит, с войной надо кончать.

На другой день Вадэ пришел в филармонию. Он слушал досужие разговоры о новом призыве и опять сомневался во всём. Про одного артиста говорили, что он сбежал от призыва в Таиланд, теперь мыкается где-то в Юго-Восточной Азии. А другой через Монголию отправился в Америку, в Китай его не пустили, пока что добрался до Киргизии. Одна семья давних друзей бежала из Пнёва в Испанию. Муж и жена хирурги. Хирурги! И бежали — от страха? А кого сегодня с воем реанимобили везут из аэропорта через новый мост на другой берег — туда, где госпиталь для ветеранов войн? Кто-то воюет за Тишину, кто-то прячется. А ты, Вадэ, солист, у тебя голосище — ого-го! Без микрофона слышно. Голос как гудение десяти миллиардов тундровых комаров, вместе взятых.

День подошёл к концу. Опять ночь, и Вадэ дома в одиночестве. Чего бы он хотел? Быть со всеми. Он хотел бы товарищества и друж-

бы, то есть воевать плечом к плечу. А в их филармонии хуже, чем на войне. Затянувшийся нервный конфликт с Гамыровой в громкий скандал перерастает. Гамырова неустанно доводит до сведения начальства, что «Вадимка не тот, за кого себя выдает». Дескать, не голос у него, а писк комариный, и сценической улыбки, милой и приятной, как не было на его лице, так нет, хотя неоднократно указывали...

Вадэ подумал, что погибель была б для него куда краше, чем постылая жизнь солиста. А потом он подумал о падшести людей, Боге-Тишине и невесте-тишине.

После того новогоднего концерта прошла неделя. В один из вечеров Вадэ осмелился перенести ожерелье из материной комнаты в свою. Он положил его под белоснежную подушку, потому что по радио сказали, что лунный камень помогает от бессонницы. Вадэ легко уснул, ему снилась его избранница. Она эльф. Вот во сне он идёт в филармонию, поёт в зале, а сам со сцены высматривает ту, которой подойдёт ожерелье «северная заря». И не видит её. Мать приучила быть разборчивым. Дальше снится ему другой сон: мать говорит ему: «Меня найдёшь на войне. Уходя, перемой полы в квартире». И Вадэ снится, что он моет полы.

Еще больше осмелев, Вадэ положил ожерелье во внутренний карман пиджака — он решил идти в военкомат. Да только не дошёл. Проходя мимо филармонии, неожиданно Вадэ встретил Гамырову. «Давай, Вадимка, забашляем», — предложила она. Оказалось, будет концерт в Доме культуры Дырети — можно подзаработать. Вадэ и сам не понял, почему согласился. А после концерта его дико тошнило — нет, не от голода, хотя Вадэ привычно выступал голодным. Его тошнило от концерта и музыки. Придя домой после того выступления, Вадэ не мог избавиться от воя усилителей, как будто поселившегося в его голове. Напиться бы! А вдруг мать внезапно вернётся — за выпивку будет бить тапкой по лицу...

С ветрами и буранами наступил северный февраль. В одну из ночей Вадэ снилось цветение деревьев в Таиланде. Яркие пунцовые цветы, праздничные и странные... Снилось ему и цветение яблонь. На одну яблоню садятся чёрные звонкоголосые воробьи. В непонятной тревоге Вадэ проснулся. С кем-то бы поговорить ему... А не с кем.

Вечером — звонок в дверь. Вадэ еще не ужинал, только заварил «Доширак» — постылый и горячий.

Открыл дверь — стоит незнакомый старик деревенского вида, по лицу можно признать, что молдаванин.

— Сообщение для Вадима Майюша, — сказал старик, снимая шапку-кушму. — Сообщение в письме от моей родни из Першотравневе¹. Через Македонию и Турцию пришло в Крым и в Сибирь. Пусти к себе. Я присяду. Я дид Пётра.

Вадэ впустил старика в прихожую. Тот достал из кармана выдавший виды конверт, пёстрый от марок и штемпелей. В руки хозяину не дал! Старик сел на табурет рядом в прихожей, положил конверт на колени, а сверху на него — кушму.

— Вот что. Мать твоя, Мария Майюш, умерла, Царство ей Небесное... Невестки написали мне так. Мать твоя из Бендер взяла проводницу-цыганку по имени Донка. Она хотела вернуться домой к сыну. Добрались они с цыганкой из Бендер почти что до Одессы. В Першотравневе под пули попали: два старика соседа стрельбой из карабинов счёты сводили.

— Иван Иваныч и Иван Никифoryч, — откровенно подсказал Вадэ, оглушенный новостями.

Старик молдаванин подумал некоторое время и продолжил:

— Так вот, выходит, под пули Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, раз ты таких знаешь, мать твоя и цыганка попали. Донку убило тотчас пулей в голову, а мать твоя Мария в больнице несколько дней от ран мучилась. Сильно умирать не хотела. Вообще не хотела. Никак не хотела. Мне так объяснили мои родственники. Они навещали

её в больнице. Землячка. И вот письмо тебе отправили. Из Першотравневе. Там мои родственники похоронили бедную женщину.

Старик молдаванин вытер слёзы, шмыгнув носом от растерянности: своих слёз и сам не ждал.

— На войну завтра же пойду, — опомнившись, сказал Вадэ нервно, — я ракетчиком в Заполярье служил, — и как будто камень с души спал: оказывается, ему надо было эти слова вслух произнести. Но уйди он на войну раньше — вестей бы о матери не получил. Умерла мать, оказалось, в тот день, когда он новогодний концерт пел, а после явился домой нетрезвым по случаю праздника и залез в материн комод посмотреть ожерелье.

Вадэ схватил висящую на вешалке модную финскую парку, стал надевать.

— Пстой! — одернул старик. — Ты куда? Поздно уже. Военкомат, верно, закрыт. Призыва же нет. А может, не надо тебе на войну?

— Да как же я до материнской могилы доберусь? — спросил Вадэ. — Путь лежит через войну... А вы, добрый человек, проходите к столу. Чаем угощу. Мать помянем хорошим вином молдавским.

Старик замылся:

— Да ведь уже поздно, уважаемый. Девятый час, ночь близко. Мне еще домой добираться. Я в Грудиной² живу, иначе семья потеряет. А на улице темнота кромешная. Гололёд. Я твой дом искал долго, едва нашёл. Рейсовые автобусы вот-вот ходить перестанут, — сказал старик, а сам с места не сходит — пристально так глядит на Вадэ.

Тот изменился в лице и медленно осел на пол, громко хохоча:

— Иван Иваныч поссорился с Иваном Никифoryчем в тыща восемьсот тридцать четвертом году! И всё им было мало, да?! Уже из карабинов палить взялись, да?! Совсем про совесть забыли, да?!

Старик недоуменно глядел на Вадэ:

— Ты приколист, что ли? Прости ещё раз за печальную весть.

¹ Первомайское.

² Деревня Грудино в Иркутской области.

Затем гость надел барашковую шапку-кушму, потёртую, почти ветхую, положил конверт на табурет, на котором сидел, и ушел, оставив в прихожей запах мороза и овечьего сыра.

Вадэ поднялся с пола и, взяв конверт, пошатываясь, пошел в зал, включил свет.

— Мама и отец, я завтра пойду на войну, — объявил Вадэ свадебной фотографии матери и отца, что висит в зале. — Ты говорил, отец, что моя земля там, где моя мать. Моя мать теперь в Першотравневе. — Вадэ замолчал, как будто что-то припоминая. — Ты говорил, отец, что у плохих родителей дети не любят свою землю. Так вот вы с мамой хорошие родители — ваш сын любит свою землю.

По привычке вокалиста Вадэ внимательно вслушался в звучание своего собственного голоса. Мысленно укорив себя в том, что нечаянно рисуется, напомнил себе, что сценический баритон у него от отца: тот любил петь старинные афганские песни, которым научил его дедушка. В их доме, в их семейном мире, скрытом от других людей, всё было прочно, преемственно. Отец долго и мучительно болел, но чем именно — этого мать сына так и не сказала.

Вадэ оглядел большую комнату, подошёл к фортепиано, поднял пыльную крышку и вспомнил свой сон. «Надо только пол вымыть. Или не мыть? Пыль стереть?» — спохватился он. Вдруг не к месту пронзила мысль: «Ну зачем я на переписи населения назвался эльфом?!» Дальше рассуждал вслух:

— Ожерелье бабушкино с собой не возьму. Положу на стол с запиской: «Если я погибну, отдайте это ожерелье «северная заря» Елене Николаевне Гамыровой. Пусть она больше не поёт на сцене». Нет, лучше сначала спрощу в военкомате, как всё правильно сделать. Может быть, оставлю в военкомате ключ от своей квартиры, её тоже завещаю Гамыровой, если меня убьют. Чтобы она уж точно больше никогда не пела на сцене. А если меня не убьют?! — и тут Вадэ растерялся.

Он совершенно не может представить, что же будет делать, если его не убьют. Может быть, он это поймёт, когда вернётся домой с войны?

Может быть и так.

Утром Вадэ собрал документы для военкомата. Их оказалось немного: паспорт, военный билет, справка о прохождении флюорографии в течение последнего месяца. Нашел еще домовую книгу... А вот то письмо, принесённое дедом-молдаванином... Вадэ изучил его тщательно. Написано оно было невесткой старика Валентиной Чеботарь на суржике, а несколько строк — на русском: «Передай, Драган, это письмо Живко Вукашинскому. Пусть Живко найдет, как отправить его в Сибирь Вадиму Майюшу. Пусть Живко известит сына, что мать его, Марию Майюш, мы похоронили по-христиански в нашем селе. А попасть мать хотела из Бендер к нему, сыну Вадиму Майюшу. Царства ей Небесного достигнуть желаем». И вложение в письмо: обрезок от использованного конверта — штемпель на нём был сначала сельской почты, потом почтового отделения №21 Новой Почты Одессы, а потом уже македонского города Скопье. Надо полагать, Живко Вукашинский из Скопье письмо положил в новый конверт, а тот конверт, в котором пришло письмо Валентины, он вскрыл и приложил к посланию, переданному Вадэ. Из Скопье авиапочтой конверт прибыл в Стамбул, а оттуда — в Симферополь на улицу Караимскую некоему Сергею Бирюкову. Последний решил поступить так же, как Живко Вукашинский, то есть обрезал пришедший к нему конверт, вложил его в новый и адресовал письмо Петру Чеботарю из Грудинино. Очевидно, должно было прилагаться еще и вложение с указанием адреса Вадима Майюша, но оно отсутствовало.

Вадэ спрятал конверт во внутренний нагрудный карман пиджака, словно это была весточка от самой матери. Сколько людей проявили заботу о нём, безвестном артисте! А ведь все наверняка уже успели забыть, как пользоваться почтовой, а не электронной связью! Вадэ ощутил людское участие, и у него мелькнула мысль: «А может быть, не надо мне на войну? Убивать людей придётся...» Мелькнула и растаяла. Что-то выталкивало

его из примитивного и пошлого благополучия, в котором не приходится ожидать перемен. Мать ли звала? Отмщения ли просила? Белая ли медведица — хранительница сейдов ярилась? Отец ли подталкивал к действию?

Вадэ отправился к приятелю отца — афганцу Кушану Сарбазову. Познакомились они с отцом в Сибири. Сарбазов — поначалу Сарбаз — был юным проводником у советских военных, с выводом советских войск из Афганистана ему оставалось только одно — уйти с ними. Сразу же, как только он стал проводником, товарищи стали его учить писать и читать по-русски — просто так, чтобы занять свободные минуты, а он был неграмотным горцем. В Таджикистане Кушан стал таксистом, потом приехал в Сибирь, женился на местной женщине. Он был очень словоохотлив и, крутя руль своей старенькой «Тойоты», успевал рассказать очередному пассажиру, что он настоящий доподлинный афганец, носитель истинной правды и справедливости, что он так давно живёт среди русских, что стал забывать родную речь. Отец Вадэ, Георгий Майюш, был очень рад, что однажды встретил в машине такси земляка.

Оказалось, Сарбазов дома, он готовил плов на обед, а жена-медичка была на смене в больнице.

Сарбазов провел гостя в кухню, стали разговаривать.

— ...Откуда берутся необъяснимые явления? — спросил его Вадэ. — Никогда не объяснимые. Они существуют сами по себе, за пределами логики. Откуда берутся?

— Это память о страшном, — сказал Сарбазов. — О том, что человеку не надо знать, но оно есть и было. И может проявиться. И надо радоваться, что оно по какой-то причине не проявляет себя. Я в детстве в горах встречал такой камень: много тонн в нём, очень много, а он лежал на маленьком камне. Он возвышался неподвижно, имея точку равновесия. Не кренился и не колебался. У него была неправильная форма. Неровные края, неодинаковые объёмы. И он веками сохранял свое положение. Мы не осмеливались прибли-

жаться к нему, если в детских играх оказывались рядом. Много лет спустя мне объясняли русские, будто был ледник. Большой камень лежал поверх ледника. Когда он растаял, камень опустился на другой камень, который лежал внизу. Но почему так ровно лег, будто нашёл баланс? Так странно...

— Вот я и говорю: такие вещи никогда не объяснить, — подхватил Вадэ. — Как никогда не объяснить простые вещи, к которым мы привыкли и считаем за должное. Такие камни, какие вы, дядя Кушан, сейчас описали, у нас в тундре называются сейды. Но под ними обычно бывает три-четыре камня. А тут — один...

— У нас в Афганистане всё-всё самое необычное, — заверил гостя Кушан. — Сейчас я накормлю тебя самым лучшим пловом. Без матери, наверное, совсем не знаешь, чем питаться. Не сообщала ли Мария, когда придет?

Вадэ молчал.

— Еще десять минут, и плов будет готов. — Кушан заметил грустные глаза Вадэ. — Ты пришел вовремя... А я слышал, ты пел в концерте. Билет мне не принёс, забыл дядьку Кушана. А сегодня вспомнил. Молодец. Всегда приходи есть плов к дядьке Кушану.

Пока плов доваривался, Сарбазов взял флейту, стал играть на ней, а Вадэ спел несколько старинных афганских песен, когда-то выученных со слов отца.

— Я уже забыл эти песни. Забыл родной язык. А ты, Вадэ, помнишь. Молодец. Потому что ты мастер сцены, — похвалил Кушан.

— Ну что? Заработал я плов? — печально улыбувшись, спросил Вадэ.

— Заработал, — согласился Сарбазов. — Всегда приходи ко мне и пой. Я буду играть на флейте. И мы будем есть самый вкусный плов во всей Сибири.

— Я на войну ухожу, — наконец признался Вадэ.

— Как некстати! — воскликнул искусный повар. — А я уже размечтался: вот готовлю плов, а мы вместе с тобой поём песни, которые когда-то мой отец и твой отец пели. Помнить мирную старину — значит, тосковать и быть счастливым сразу.

Они стали есть плов по-афгански и пить зелёный чай по-степняцки, сваренный с молоком. Ели молча. Наконец после того, как заставил гостя съесть три тарелки плова, Сарбазов сказал:

— У меня есть талисман. Я тебе его отдам. Он защитит тебя на войне. Это простая конфета в разноцветном фантике. Один раз у меня было нездоровье. Меня лечил лама. Он дал конфетку. Я не стал есть. Положил в карман. Еду за рулем по улице и думаю: «А что, её надо съесть? Лама зачем мне её дал?» И затормозил нечаянно. А впереди — авария. Если бы я не затормозил, врезался бы в аварию. Не стал я тогда есть конфетку. Положил на приборную панель перед собой. Еду на другой день, везу пассажира. Думаю, где же конфетка? А она скатилась вправо от руля. Я — зырк на неё. А там справа от машины трёхлетний ребёнок. От матери убежал. Не конфетка — задавил бы. Страх на меня напал. С тех пор вожу эту конфетку у сердца. Вот. Носи и ты у сердца.

Сарбазов сходил в прихожую и принес конфетку в зажужжанном фантике. Вадэ с самым серьёзным видом положил её в карман и захохотал, так же неожиданно, как вчера, когда старик приходил к нему с плохими вестями.

— Дядька Кушан, ну, представьте! Провожают меня друзья на войну. Кто конфетку даст. Кто — волшебную сигаретку. Кто — резинку стирательную. Полный карман талисманов набрался. И пошёл бы я, несокрушимый, с этим карманом на врага. Ничего больше не надо! Завидуйте, братья!

Сарбазов рассердился.

— Издеваться, да? Я самое секретное ему не пожалел!

Долго пыхтел хозяин.

— Я тебе на металлоискатель тридцатку дам! Я тебе на шлем дам! На броник дам! На антидронку дам! Будешь помнить дядю Кушана и его амулеты!

— Не сердитесь, дядька Кушан! Этот смех у меня нервный, — попросил Вадэ. — То, что вы назвали, очень дорого стоит. А если убьют меня? Не смогу я вам деньги за всё вернуть.

— Не надо возвращать!.. А постой! Когда тебя забирают-то?

— Не знаю я. Ещё только в военкомат иду.

— Сам, что ли? Без призыва, что ли? А мать что скажет?!

— Нет у меня матери больше, дядька Кушан, — наконец признался Вадэ. — Домой возвращалась. Убили её эти ... эти Иван Иванович и Иван Никифорович. Гада два. Мстить пойду я, дядька Кушан.

— Вот оно что... вот оно как бывает... У вас говорят: «Царство небесное Марии Майюш»... Дам я тебе на металлоискатель. На антидронку дам. А остальное, может, в армии дадут тебе? Погорячился я. Но, если скажешь, дядька Кушан деньги в долг возьмёт у старых таксистов и купит тебе и броник, и шлем, и фонарь самый лучший.

Вадэ сходил в прихожую, взял из кармана куртки конверт.

— Вот письмо, дядя Кушан, — протянул хозяину. — В нём — что мать погибла. Читайте.

— Какой я читатель, дорогой Вадэ! — отмахнулся Кушан. — Это я языком чесать у русских болтунов научился. А читаю едва. Убери письмо.

Вадэ замер и хлопнул себя по лбу.

— Дядя Кушан, я ведь ракетчик. Мне всё дадут, что нужно. Броник, шлем, фонарь.

— Противодронку тебе не дадут, — поправил Сарбазов. — Я точно знаю. Таксисты всё знают.

— Дядя Кушан, да, по сути, мне только твоя волшебная конфетка и нужна. Ракетчик я! Ракетчик!

Вадэ решительно направлялся в сторону военкомата. Его увидел издалека и кинулся к нему бас-гитарист Толик Валуев. И Вадэ, заметив знакомого, как вкопанный встал посреди заметённой снегом улицы.

— Выручай, Вадька! Я шёл и думал: кто может выручить? И тут ты! На ловца и зверь бежит. Мы сегодня с Гамыровой в ресторане должны концерт дать. А Гамыровна — ой, соплищи, кашель, температура. Не дай мне погибнуть. Дети есть хотят, жена ругается.

— Некогда мне, — мямлит Вадэ.

— Выручи, Вадька, а! Дети у меня, семья... — едва не молит Толик.

– Ну, если дети... если выручить... – еще больше замялся Вадэ. – Наверно, придётся. Во сколько концерт?

– Какое «во сколько»! – напирал уже обрадованный Толик. – Репетиция нужна. Или ты без репетиции споёшь «Яростный стройотряд», «Как молоды мы были»?

– Да нет же, – сомневается Вадэ. – У меня вокал академический. Сам знаешь, а спрашиваешь всякую чушь...

– Во-от! – подхватил Валуев. – А Гамыровна бы спела. Она мастер на все голоса. Идём репетировать. Заказчик у нас хреновый – комсомолец старый. Юбилей у него, семьдесят пять лет. По десятке срубим за три часа.

Вадэ уже плёлся вслед за Валуевым в ресторан на репетицию:

– Я деньги от концерта Ленке Гамыровой отдам, – предупредил Толика. – Не нужны они мне. Детей нет. У неё – трое.

Гамырова стала для Вадэ будто родной с тех пор, как он решил завещать ей квартиру. Он сам удивлялся этому чувству к ней, ведь терпеть ее не мог. Но деньги ему, и правда, ни к чему. На войне получит. А убьют – так музыканты вспомнят, что хороший парень был солист Вадька. Портрет с чёрной лентой повесят. Ругать не станут, как всякий раз. Хорошие слова скажут.

Когда артисты закончили со всей этой феерией, этими воплями, возбуждающими полусонных после сытного пьяного застолья юбиляра и его гостей, распорядитель принёс им в подсобку деньги в конверте, а ещё на подносе – бутылку крымского сухого вина, горячий рыбный пирог, салаты.

Вадэ сидел за столом, обхватив руками голову.

– Вам плохо? – спросил распорядитель.

– Плохо, – вместо Вадэ ответил Толик. – Он не любит, когда так громко... Микрофоны не любит. Его мутит от пошлости. Он покрывается прыщами, его рвёт. Понимаете, он гений академического вокала...

Распорядитель никак не отреагировал на эти слова. Оставив угощение на застеленном скатертью обшарпанном металлическом

столе, он ушёл – высокий, элегантный, белая рубашка, белая бабочка, чёрные отутюженные брюки.

Бутылка вина была распечатана. Толик разлил вино по высоким стаканам. Положил Вадэ на тарелку кусок пирога.

– Спасибо, Вадька, выручил, страдаю и ненавижу, – сказал Толик. – Давай выпей и закуси. Тошнить перестанет. Ты принёс себя в жертву искусству и заработку.

Толик всегда изъясняется так, будто шутит. Он ироничен и твёрд всерьёз.

– Я на войну ухожу, – признался вдруг Вадэ.

А про себя решил: чем больше он будет говорить об этом – тем лучше, скорее свыкнется с мыслью.

– Что же ты молчал? – удивился Толик. Добавил откровенно: – Ты давно не поёшь, а орёшь. У тебя кризис.

– Ты хочешь сказать: туда тебе и дорога? – Вадэ грустно улыбнулся. – А я что, разве микрофон не для ора? Хотя, знаешь, я тишины хочу...

Толик кивнул:

– Ну вот и найдёшь её на войне...

– Когда все снаряды будут расстреляны, ракеты и пули выпущены, наступит тишина. Если меня убьют, тоже наступит Тишина. Мать-Тишина, отец-Тишина, невеста-Тишина и Бог-Тишина. Я хотел на север уехать. На побережье Северного Ледовитого океана. Петь просторам, оленям и каюрам. Мать не мог оставить. А теперь надо на войну... – разоткровенничался Вадэ.

– А меня, может, не призовут. Я и на срочной не был. Вы там воюйте поскорее, чтобы нас не призвали. Детей надо растить... Я ещё открытие сделал, что кругом одно враньё. Музыка тоже враньё. Недаром тебя мутит. Я вот ещё какое открытие сделал. Может, тебе на войне пригодится... – тут Толик задумался, умолк.

Он выпил, закусил.

– Вкусный пирог, да? Ну? Так какое открытие ты сделал? – напомнил ему Вадэ.

– А вот смотри, Вадька, – начал Толик объяснять. – Весь мир существует в мозгу каждого. Объяснённый и необъяснённый, прояв-

ленный и непроявленный. Весь. А это значит, всё в нём можно преобразовывать. Конечно, когда архитектор создаёт чертёж и по нему строится здание, это и есть выход внутреннего творчества вне. Но я имею в виду более тонкие вещи. Вот о твою ногу сейчас трётся кот. Ты его гладишь мысленно, и он счастлив. Мысленное оставляет тонкий след. Не увидеть этот след, но он точно есть. Вот ты целуешь мысленно Гамыровну...

— Да ну! — с возмущением перебил Вадэ.

— ...И она, — как ни в чем не бывало продолжал Толик, — в натуре счастлива по уши, знает отчего, но не скажет, потому что это дальше слов. Дальше нашей фактической грубости...

Вадэ перебил:

— Вот коту, предположим, я даю реальный кусочек пирога — и он счастлив...

— Вадька, он счастлив и в твоём мозгу, — подхватил Толик. — Там ты тоже дал ему кусок пирога. Тоже натуральный. Ну, ты как будто вытащил кусок этот из своего воображения.

И вот, к примеру, за пределами суеты ты ложишься спать и вспоминаешь меня. И ты не думаешь: «Гад, скотина, заставил петь, а я не хотел». Ты думаешь: «Толян Валуев — сильный, здоровый, богатый, справедливый и умный. Его гитара поёт, это сам Аполлон на ней играет». И так обо всех, кого вспомнишь... Бога похвали. Заметь, в храмах восхваляют Бога. Заговаривают его. И он не пакостит, как пакостили людям олимпийские боги. Я всё восхвалять на себе попробовал. Ты не хотел идти петь со мной. Я тебя мысленно превознёс до небес. И ты пошёл за мной, как телёночек.

Вадэ уже не возмущался. Вид у него был довольный. Он что-то понял. Глаза его, потускневшие с того дня, как узнал, что мать пропала в Молдавии, теперь светились.

А Толик Валуев увлёкся:

— ...И вот Вадька-ракетчик приезжает на войну, — говорил он. — Бой идёт как по маслу. Ракеты поражают цели, страха нет, обслуживание техники не тяжёлое. Полевая кухня приезжает вовремя. Но организованно ду-

мать, что укры — молодчинки, хорошие, а мы вместе за одним столом будем пить крымское вино и петь «Катюшу» не получится. А знаешь почему? Потому что пропасть создана. И вообще, никто не скамандует исполнять задачу на пользу всем. Мир наш порочный, он погружен в ложь. Поэтому простым людям до всего нужно самим додумываться. Ты на себе моё открытие попробуй — и вернёшься с войны целым-невредимым. И ещё кому-нибудь расскажи о моей идее. Сарафанное радио распространит. Тогда и наступит мир.

Вадэ недоумевал:

— Толян, а как же?.. Ведь и на плохое этак поднять можно...

— На плохое поднять — очень большая энергия нужна. Испепеляющая. Поэтому войны начинают массы согнанных вместе. Они вооружают злобой противника — начинается бойня. Мне парень один рассказывал, как их на военных сборах учили в штыковую ходить. Они все однокурсники были, друзья. Их поставят друг против друга для штыковой атаки. По команде они начинают сблизаться. И чем ближе друг к другу, тем больше злость закипает и готовность воткнуть штык в приятеля и друга. Командиры знают эту дистанцию и вовремя разводят. Что это? — Толик хмурился, допивая вино.

Затем Валуев первым встал из-за стола, ему есть куда спешить: дома ждут жена и дети. Вадэ тоже встал. Разошлись, не прощаясь.

Вадэ шел домой. «Как мне везёт, — думал он, — я ухожу на войну не спеша, потому что нет призыва. С утра собирался в военкомат — опоздал, а столько интересного узнал за день. Ленке заработок придётся подарить, чтобы скорее уйти на войну. «Доширак» сегодня есть не буду, сыт».

Дома в холодильнике у Вадэ пусто, за квартиру и свет не плачено два месяца. И теперь обо всём этом можно не думать. В тот вечер Вадэ рано лег спать. Он решил опробовать метод Толика Валуева. Мысленно расхвалил и наделил силой всех, кого вспомнил, вплоть до министра культуры, губернатора, президента и Бога, и, наполнившись благодушием,

быстро заснул. Снилось ему, что в Крыму распускаются магнолии. Прямо на глазах, как в кино. В полной тишине.

Рано уснул – рано и проснулся. Еще лёжа в постели, Вадэ вспомнил, что деньги на карту Гамыровой отправил вчера, возвращаясь из ресторана. Задумался: а что, если Ленку мысленно исправить? Если его не убьют, квартира ей не достанется и петь тогда она не бросит. Какая сложная задача! Вадэ отправил Елене восемь тысяч, две оставил себе. Сообщение не стал ей писать, всё равно Валув – болтун ещё тот, не сможет он не рассказать Гамыровой про замысел Вадэ – от него пусть она и узнает.

Вадэ встал с постели, подошел к фортепиано, впервые за несколько месяцев сел на табурет и одним пальцем стал играть гаммы. Затем нашел нотный альбом с опусами Моцарта, открыл «Реквием» – полилась музыка. Вадэ играл и сбивался, но опять прикасался к клавишам, наконец вспомнив, стал играть по памяти.

Взглянул на часы на стене: девять тридцать. Всё, пора, военкомат сейчас откроется.

В военкомат Вадэ решил идти дворами, чтобы никого из музыкантов не встретить, еще и отключил мобильный телефон: ему не хотелось опять сбиться с пути из-за неожиданного звонка или встречи.

Снег скрипел под ногами. На улице было морозно, мрачно, а Вадэ замечал, что обычно после празднования старого Нового года всегда становится веселее: день прибывает, иногда из громадной Юго-Восточной Азии доносит аромат миллиардов цветов – все это в совокупности с чистым морозным духом севера приносит сказочное ощущение предверия рая.

Наконец Вадэ попал в военкомат. Вошел через рамку металлоискателя, сразу – на собеседование.

Разговаривал с ним человек в штатском.

– Я хочу принять участие в боевых действиях, – сказал Вадэ. – Вот мой военный билет, меня почему-то не мобилизовали. Я ждал повестку.

Тот человек в штатском, Сергей Петро-

вич, внимательно изучил паспорт Вадэ, его военный билет.

– Да, не мобилизовали, – согласился он. – Может быть, были причины? Сейчас открою базу данных. Так зачем же вам, Вадэ Георгиевич, туда, где так опасно?

Пока база данных загружалась, Вадэ рассказывал:

– У меня такое ощущение, что все мои бывшие армейские сослуживцы сражаются. И это не по-товарищески – отсиживаться. Мы перед дембелем обещали приходить на помощь друг другу, если потребуется. А еще мне стало известно, что мою мать убили где-то близ Одессы, в селе Першотравневе. Теперь мне надо отомстить врагу.

Сергей Петрович вздохнул.

– Эльф – это что за национальность? Такой не существует. Когда проходила перепись населения, вы назвались эльфом. Вас отклонили от призыва. Гомосексуалист? Псих?

– Я пошутил, – признался Вадэ. – Имя у меня ненецкое, мать наполовину молдаванка, наполовину ненка. Отец – полугрек-полутаджик. Вот я и пошутил. С русскими я вырос, русский я. Кто же еще!

– Вы никогда не были женаты... – Сергей Петрович как будто удивился.

– Мать была строгая, – пояснял Вадэ. – Хотела для меня серьезной партии. А я кто? Музыкант, солист. Легкомысленный человек.

– Женщины у вас были?

– Много женщин, – улыбнулся Вадэ.

В это мгновение вспомнилась ему та, что вчера прошла мимо него. Она говорила своей подруге: «Я, когда ничего о себе не знаю, так спокойна...» Та прохожая была невысокая, почти миниатюрная, очень аккуратная и женственная... какая-то такая, что Вадэ очень захотелось её обнять. Обоняние его не восприняло аромата духов, но он был – она не могла не пользоваться парфюмом. В её небольшой квартире, как представлялось Вадэ, непременно должен быть магический всепоглощающий уют. Обрывок её фразы очень загадочный...

– ...Внебрачные дети? – громко спросил Сергей Петрович.

– Никто не заявлял.

– Вы меня извините, Вадэ Георгиевич, вы мне кажетесь странным. Отсюда и вопросы. Вы исповедуете какую-нибудь религию?

– Отец и мать были православные, – отвечал Вадэ, – я тоже крещёный. Но я ещё верю в силы природы. Понимаете, ребенком я бывал у деда с бабушкой на севере. Там невозможно не верить в то, чему поклонялись предки. Я думаю, это поклонение тем вещам, что были до сотворения человека. Бог создал сначала природу. Потом – шаманов. Это великие люди. Они поклоняются сейдам, и все ненцы поклоняются сейдам.

– Это что же такое? – спросил Сергей Петрович.

– Камни, необычные древние камни, вызывающие уважение и поклонение.

– Понятно. Как вы узнали о гибели матери?

– Так вот, – Вадэ достал из кармана ксерокопию письма, он ждал этого вопроса: – Я вчера сделал копию, не хочу расставаться с оригиналом.

Сергей Петрович изучил глазами строчки.

– Я понял так, что письмо шло через Македонию и Турцию в Крым? Вы отправителей знаете?

– Ни одного. Но это очень хорошие люди. Письмо мне принёс старый молдаванин из Грудинино. Оно было адресовано ему, чтобы он сообщил мне. Хотя прямой адрес мой у отправителей был. Иначе как бы старик меня нашёл? Умирая, мать дала мой адрес.

– Копию письма мне оставьте. Мы проверим факты и вызовем вас. А пока свободны, – отчеканил Сергей Петрович.

– Погодите! – Вадэ хотел сказать то, что обдумал заранее. – Я могу пойти в разведку. Могу стать разведчиком. Я немного знаю суржик. Я сам смогу найти могилу матери. Ну, до того, как мы возьмём Одессу...

– А мы возьмём Одессу? – Сергей Петрович поднял удивленно бровь.

– Конечно! – горячо подтвердил Вадэ. – Иначе зачем же я иду на войну?

– Гениально, – в голосе Сергея Петровича была ирония.

Теперь – быстро в филармонию! Сегодня уточняются годовые планы.

Улицы завалены снегом, дорожки некому чистить. Расчищая проезжую часть, снегоуборочные машины скидали куски снега и льда на обочину, а обочина – это вместо тротуара. Прохожие проложили узкую тропинку в завалах и шли, лавируя. В городской газете написали, что часть дорожной техники передали туда, на запад, в освобождённые города. Прохожие – это в основном молодёжь и старики, а посередине улицы мчится непрерывный поток машин с беспокойными водителями и пассажирами.

Вадэ – быстрый, импульсивный, он стремительно несся по улице и буквально ворвался в холл филармонии. Не опоздал.

– ...Вадим Георгиевич, это правда, что вас мобилизовали? – спросила директор филармонии, глаза её за большими круглыми очками выражали удивление.

– Да, я ухожу на войну, Нина Львовна, – подтвердил Вадэ. – Но могу участвовать в концертах на этой неделе.

На Вадэ уставились десятки внимательных глаз. И подружки Гамырихи тут. Это ей-то он завещает квартиру?! Нет, нет! Тут Вадэ осенило: у него же есть родня на севере – вот уж о ком забыл. О чем же помнил? Что сначала ему велели петь песню «Увезу тебя я в тундру». Что дядька Кушан рассказал об удивительном камне, похожем на сейды, а потом они всплыли в разговоре с Толиком Валуевым.

Точно! Родственники на севере! Младший брат матери – Вылка Лымин. Он даже гостил у сестры когда-то с двумя сыновьями-школьниками. «Вы» по-ненецки – «тундра». И это интересно, как будто к тундре обращаются уважительно на «вы». Нет-нет! Квартиру Вадэ завещает Лыминым, а Гамыриху исправит внушениями. Надо бы посоветоваться с Толиком... Но тот, кажется, о Елене другого мнения – лучшего, чем Вадэ. Ну, конечно, Толик окончил только музыкальное училище. А он, Вадэ, консерваторию, потому что на-

родности севера везде пропускают вперёд, дают льготы. И поэтому родители ненцем Вадэ записали по рождению. И он попёр к высотам. Того, кто может спать на снегу, разве что огненная печь³ испугает.

По-прежнему чувствуя на себе взгляды коллег, Вадэ старался выглядеть невозмутимо.

— А как же Мария Сядэевна? — напомнила директор. — Вы же у неё единственный сын, Вадим Георгиевич?

Вадэ казалось, слова ее звучат издали. На глазах его проступили слёзы.

— Мать убили под Одессой в перестрелке.

— Прости нас. Соболезнуем.

— Я сам ухожу на войну. Буду мстить.

В зале стало тихо-тихо. Из филармонии ещё никто воевать не уходил. Как так получилось, трудно понять, да ведь музыканты — люди более-менее гармоничные, неконфликтные, даже смирные...

— Я вас, Вадим Георгиевич, пока не буду исключать из расписания концертов. Вы ещё не уехали. И, может быть, война очень скоро кончится и вы снова будете с нами, — говорила директор, а круглые стёкла её очков не могли скрыть удивление.

Зал оживился.

— Точно! — выкрикнул кто-то. — Вадим уйдёт на войну, чтобы она быстрее закончилась. В самое логово пальни ракетой, Вадя!

— Мне Одессу надо взять, — тихо и твёрдо ответил Вадэ, а непрошеные слёзы предательски потекли по щекам.

Никто не смеялся над ним, не говорил: «Ну, ты загнул!»

— Мать убили в Одесской области, — добавил Вадэ.

— Да, да, возьми Одессу. Мы в тебя верим, Вадим, — поддерживали его.

— Мы сбросимся на металлоискатель, на противодронку, на шлем, на броник... — предлагали другие.

— Стоит это всё до фигищи дорого, если качественное. Мне так дадут, — смахнув слезы, сказал Вадэ.

— Пусть Вадим сегодня вечером поёт. А я потом за него спою! — крикнул солист Санька Александров. — Я не служил срочную — вот

меня и не призвали. Но если война затянется, тогда постепенно всех заберут воевать...

— А что петь-то за тебя? Скажи, — попросил Вадэ. А самому казалось, будто он оглох, слова доходили до его разума как сквозь вату.

К тому же Вадэ был голоден — ему бы надо сходить в буфет и позавтракать. Но в такой момент уйти невежливо.

Александров громовым голосом стал читать стихотворение Александра Куприна.

*Как море вдруг пред бурей утихает,
Смолкает ропот стонущих валов, —
И сердце эта тишь сжимает
Больней мертвящей тяжести оков.
В душе моей, предвестница невзгоды,
Так царствует холодная тоска
И все твердит: не жди погоды, —
Быть буре, быть беде, а пристань далека!*

— Давайте не будем о политике! — взволнованно сняла с лица свои удивлённые очки директор, — я объявляю перерыв на пятнадцать минут. А вас, Вадим Георгиевич, прошу в свой кабинет на чашку кофе.

Где она увидела политику? Саня Александров стихами поэта передал свою личную тревогу. Не нюнить же публично?

Вадим был заметно бледен. Разные мысли крутились в голове. Может быть, директор хочет ему что-то предложить? Она редко бывала к нему добра... А что ему нужно спеть за Александрова? Намечающийся вечерний концерт назывался «Крещенский вечерок», Саня должен был спеть за Гамыриху «Раз в крещенский вечерок девушки гадали». Это же для женского голоса. Но у Сани такой голос гибкий — прогнётся. А Вадим — и за Гамыриху?! Не смешите!

И коллеги почуяли сомнения Вадэ.

— Пусть уж лучше Вадька споёт «Увезу тебя я в тундру». Вадим — это тундра и есть, — предложил кто-то.

— Нет, а кто же тогда исполнит «Раз в крещенский вечерок»? — не соглашались с ним.

³ Печь огненная — то же, что и «печь».

Из Книги пророка Даниила.

– А пусть Ноздрина подхватит эту песню до кучи, – подкинул идею еще кто-то.

– Тогда зачем же Вадиму вообще что-то петь?

– Да пусть споёт, отвлечётся. А Ноздрина споёт «Крещенский вечерок» вместо «Буря мглою небо кроет».

– Да вы что, «Буря мглою небо кроет» очень даже в тему концерта. А «Тундра» не в тему. Всем будет аккомпанировать пианист, а «Тундра» – песня эстрадная.

– Что, эстрадникам ради одной песни париться? Да пусть Вадька сядет за рояль и споёт «Тундру» за роялем. Очень душевно получится.

– Нет, а он что, кроме «Тундры», ничего не знает? Пусть Вадька споёт «Бурю» в конце-то концов! Кто-то ещё из нас на войну уходит? Может, Ноздрина?

– Я не против, я не против, – вступила в разговор сама Ноздрина. – Я спою «Раз в крещенский вечерок» и ещё «Бурю». Пусть «Буря» будет не в зачёт. Я же готовилась. Мне хочется «Бурю» обязательно исполнить. А Вадька пусть хоть с чем сегодня на сцену выйдет, главное, он будет со всеми нами.

Толик Валуев молчал. Он один знал, что на самом деле Вадим Майюш хочет тишины. И сам Вадим Майюш молчал. Сегодня завтрашнему солдату нужно было одно – просто быть рядом со всеми.

Татьяна Викторовна ЯСНИКОВА

родилась в Бурятии.

Окончила факультет теории и истории искусства Академии художеств им. И.Е. Репина.

Пишет стихи, прозу, публицистику. Автор семи книг.

Публиковалась в журналах «Москва», «Нева», «Наш современник», «Сибирские огни», «Сибирь», «Байкал», «Огни Кузбасса» и др. изданиях.

Награждена серебряной медалью Литературного фестиваля народов России и Евразии «ЛиФФт» (2018, 2019), Бронзовым витязем Литературного форума кинофестиваля «Золотой витязь» (2019) и пр.

Член Союза журналистов России,

Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

